

©1994 г.

Ю.Н. ДАВЫДОВ

ВЕБЕРОВСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАПИТАЛИЗМА***Проблема капитализма в социологии**

Несмотря на колоссальную широту охвата конкретного материала, как того потребовала от Макса Вебера его идея универсально-исторической социологии, в которой сконцентрировались в конце концов теоретические искания этого крупнейшего социального мыслителя нашего века, основным — и наиболее четко очерченным — предметом веберовских исследований оставался капитализм. И этим была лишь очередной раз подтверждена та мысль, полузабытая сегодня ввиду ее кажущейся тривиальности, что социология — это прежде всего и главным образом (причем совсем не только по ее «истoku») теоретическое осмысление капитализма, взятого, однако, не в одном из его измерений — пусть это будет даже политэкономическое измерение, в рамках которого впервые определилось само это понятие, — а в его культурно-исторической целостности, воплощающей в себе «единство многообразия» самых различных его измерений.

Если уже экономический анализ, какому Адам Смит подверг современное ему общество, получившее впоследствии название «промышленного общества» (у Сен-Симона и Конта) или капиталистического (у Маркса, но не только у него одного), открывал возможность социологической расшифровки соответствующих теоретических понятий, то в русле примкнувшей к нему социально-философской традиции, — а она включала не только линию, ведущую через Сен-Симона к основоположнику социологии, но и ту, что вела через Гегеля к создателю материалистической «науки об обществе», — эта возможность шаг за шагом превращалась в действительность. Так что в итоге капитализм предстал уже даже как не столько политэкономическое, сколько социологическое понятие, экономившее, подчас, агрессивную тенденцию к «снятию» в себе его собственно социологического содержания. М. Веберу, пришедшему к своей версии социологии через немецкую историческую политэкономия, предстояло развить дальше эту общую тенденцию социологической «расшифровки» понятий и категорий политической экономии капитализма.

Хотя Вебер, не упускавший случая подчеркнуть, «насколько... в разработке всех своих формулировок» он «обязан самому факту существования классически трудов Зомбарта с их четко поставленными проблемами», в то же самое время оговаривался, что «все основные положения» его «Протестантской этики» были «высказаны в значительно более ранних» его работах [1, с. 117] (и, как следует из контекста этой оговорки, независимо от зомбартовских исследований), — тем не менее остается фактом, что впервые общие контуры веберовской концепции капитализма прорисовались с определенностью именно в цикле статей, объединенных этим названием. Причем в немалой степени определенностью своих контуров концепция, предложенная Вебером в «Протестантской этике», была обязана именно ее полемической направленности против тех решений, какие предложил Зомбарт. Это был ответ на те самые проблемы, четкость постановки каковых заслужила столь высокую

---

* Работа финансируется Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ).

его, Вебера, оценку. А следующий решающий шаг в разработке теории капитализма был сделан Вебером опять-таки прежде всего в споре с тем же Зомбартом, сформулировавшим основные возражения автору «Протестантской этики» в своей книге «Буржуа», (1913), причем Вебер назвал ее «наиболее слабой в данном аспекте из всех его (Зомбарта.- Ю.Д.) больших работ» [1, с. 111].

Во втором параграфе первого раздела своей большой статьи (разросшейся до размеров солидной брошюры) под названием «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер делает в высшей степени ответственное заявление: «Капитализм существовал в Китае, Индии, Вавилоне в древности и в средние века. Однако ему недоставало... именно того своеобразного этоса, который мы обнаруживаем у Франклина» [1, с. 74] (здесь, как и в дальнейшем, курсив Вебера, разрядка, моя. — Ю.Д.). Речь идет о том «духе», который, по словам автора «Протестантской этики», имел «характер *этически* окрашенной нормы, регулирующей весь уклад жизни» и которым были «проникнуты поучения Франклина» [1, с. 74].

В приведенном веберовском утверждении четко обозначены два принципиально важных пункта, резко отличающие точку зрения Вебера от концепции Зомбарта, а также Маркса, к которому тот был очень близок в общем понимании капитализма. Близость же заключалась в том, что Зомбарт, подобно автору «Капитала», во-первых, исходил из представления о существовании *одного-единственного* капитализма, в развитом виде («развитый капитализм» — зомбартовский термин) представляющего собой *специфический феномен* Нового времени. Хотя — в отличие от Маркса — был склонен несколько расширять хронологические его границы, относя его генезис ко временам позднего средневековья, а ранние предвосхищения — ко временам поздней античности. Во-вторых, он не был склонен придавать «своеобразному этосу», или «духу» *этого* капитализма настолько большое значение, чтобы именно с ним связывать, подобно Веберу, его социально-историческое своеобразие. (Впрочем, и самый этот вопрос о своеобразии капитализма Нового времени, взятого в целом, вместе с более ранними фазами его развития, не вставал перед Зомбартом уже потому, что это был для него один и тот же капитализм.)

Что же касается Вебера, то как раз тезис о «единственности» капитализма, изображенного в «Капитале» Маркса, он и подвергал сомнению в первую очередь, — в чем мы только что могли убедиться. И именно потому перед ним встал второй вопрос — о специфике этого капитализма (который он вместе с Зомбартом называл «современным», придавая, впрочем, этому слову несколько иной, более расширительный, смысл), — в отличие от того капитализма, который усмотрел уже в древнем Китае, древней Индии, Вавилоне и т.д. И если, как мы сможем убедиться, общее понятие капитализма, под которое Вебер фактически подводит *все* его типы — и современный, и древние, он формулирует, отправляясь от его политэкономического определения, то отличие современного капитализма от его архаических разновидностей, он — и это мы еще могли заметить — акцентирует, пользуясь категорией, заимствованной из области этики, хотя и порядком социологизированной («этос» уже не вполне этика, а нечто и сверх того, о чем также пойдет речь).

Полемизируя с Зомбартом, акцентировавшим (в духе марксистско-нищешанской «брутальности», активно укоренявшейся в сознании европейской интеллигенции в конце прошлого — начале нынешнего веков) «материалистические» мотивы, которыми руководствовались якобы провозвестники капитализма в Европе, Вебер настаивает на том, что для его генезиса решающей была именно этическая — нравственно-религиозная — мотивация носителей «капиталистического духа». Что же касается тех мотивов, какие подчеркивал (опять-таки вслед за Марксом) Зомбарт, то они, согласно веберовской концепции, относились к мотивационной структуре, характерной для совсем иного типа капитализма, которого не заметили ни первый, ни второй, не сумев

отличить его от «современного капитализма». «Повсеместное господство *абсолютной* беззастенчивости и своекорыстия в деле добывания денег (о которых так много писали и авторы "Коммунистического манифеста", и автор "классических трудов" о европейском капитализме. — Ю.Д.) было специфической характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являются "отсталыми" по западноевропейским масштабам» [1, с. 78].

Причем слово «отсталыми» вовсе не случайно поставлено здесь в «острающие» кавычки. Без этих кавычек оно имело бы абстрактно «прогрессивистский» смысл, не выходящий за рамки догматически-просветительского противоположения «передового» (прогрессивного) «отсталому» («устарелому», отброшенному «поступательным развитием»). Кавычки же, наоборот, свидетельствовали о том, что и сама эта «отсталость» относительна: имеет смысл лишь в том случае, если соответствующий феномен оценивается «по западноевропейским масштабам», точнее, по масштабам западноевропейского капитализма Нового времени. В рамках этой же системы координат следует понимать и все то, что сказано в данной связи Вебером о различии «между капиталистическим и докапиталистическим "духом"» [1, с. 76]. Ибо то, что является «докапиталистическим» по отношению к современному — специфически западному — типу капитализма (для характеристики которого Вебер совсем не случайно употребил здесь — кажущееся тавтологичным — словосочетание «буржуазный капитализм») [1, с. 76], вовсе не означает у автора «Протестантской этики» некапиталистического вообще.

Дело в том, что — по его утверждению — существует «капиталистическое предпринимательство» не одного лишь современного, специфически западного типа (в противном случае он не мог бы говорить, что капитализм существовал не только в Европе, но и в Китае, Индии и других странах, причем в самой глубокой древности). Читаем в «Протестантской этике»: «...Капиталистическое предпринимательство в своих внешних чертах и в своем "авантюристическом" аспекте генезиса капитализма, сочетавшем разбой и торговлю, спекуляцию и грабеж. — Ю.Д.) было известно всем тем хозяйственным системам, где существовали имущество денежного характера и возможность использования его для получения прибыли (посредством комменды, откупа налогов, ссуды государству, финансирования войн, княжеских дворов и должностных лиц), авантюристический склад мышления, пренебрегающий этическими рамками, также был явлением повсеместным» [1, с. 79].

Обратим внимание на выделенную нами часть последней фразы: она проливает свет на содержание веберовского понятия «авантюристический капитализм», которое автор «Протестантской этики» чаще других использовал для *типологического* (а не эволюционно-генетического, как это делал Зомбарт, говоривший в аналогичных случаях о фазах становления капитализма) противопоставления «несовременного», или, если хотите *архаического*, и в этом смысле «отсталого» капитализма — «современному» в расширительном смысле этого слова, охватывающем весь *специфически* европейский капитализм. «Авантюристический капитализм» характеризуется у Вебера именно тем — и *главным образом* тем, что его провозвестники «пренебрегали этическими рамками», удовлетворяя свою «к злату проклятую страсть». И в этом радикальная противоположность всех форм «авантюристического капитализма», которые мы могли бы назвать его подтипами, или даже разновидностями, современному капитализму». Ибо у его истоков, согласно утверждению Вебера, стояли «*отнюдь* не те люди, которые полностью отдавались этой склонности, наподобие некоего голландского капитана, "готового ради прибыли заглянуть и в ад, пусть даже при этом будут спалены паруса"» [1, с. 79]. «...Не они были представителями того образа мыслей, из которого возник специфически современный "дух" капитализма как *массовое явление*...» [1, с. 79].

А то, что, говоря о средствах, какими «капиталистическое предпринимательство» авантюристически-архаического типа добывало свою *прибыль* (коммента, откуп налогов, ссуды государству и проч.), Вебер имел в виду *капитализм* в точном смысле, становится совсем уж бесспорным, когда мы сопоставляем перечень этих средств с перечнем разновидностей «несовременного» капитализма. В одном из примечаний ко второму параграфу (под названием «Дух капитализма») первого раздела своей статьи «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер указывает на «существующий во всем мире в течение трех тысячелетий — в Китае, Индии, Вавилоне, Древней Греции, Риме, Флоренции и в наше время — капитализм ростовщиков, военных поставщиков, откупщиков должностей и налогов, крупных торговых предпринимателей и финансовых магнатов» [1, с. 118]. И здесь же он добавляет: «См. предварительные замечания», имея в виду «Предварительные замечания» к первому тому его «Собрания трудов по социологии религии», первую половину которого заняла «Протестантская этика», где идея *социологически расшифровываемой*, отпавляющей от понятия «типа капиталистической деятельности», *типологии капитализма* предстает уже в наиболее развернутом виде. А учитывая тот факт, что «Предварительные замечания» фактически «предваряли» не только первый том, но и весь трехтомник, посвященный социологическому анализу мировых религий, можно понять и особую роль, какую предостало в этом аналитическом рассмотрении сыграть и веберовской — универсально-исторической — социологии капитализма, взятого одновременно и в узком политэкономическом, и в широком социально-философском смысле.

Понятие капитализма и тип «капиталистической деятельности»

«"Капиталистическим", — пишет Вебер в "Предварительных замечаниях", пытаюсь дать предельно широкое экономическое определение этого понятия (и в то же время "более точное *определение*, чем это обычно делается"), — мы будем называть такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли, посредством использования возможностей *обмена*, то есть *мирного* (формально) приобретательства» [1, с. 48]. «Для определения понятия, — специально подчеркивает он далее, — важно лишь то, что хозяйственная деятельность *действительно* ориентирована на сопоставление дохода и издержек в денежном выражении, как бы примитивно это ни совершалось» [1, с. 49]. «Ведь решающим для всех этих типов приобретательства является *учет* капитала в денежной форме», свидетельствующий о том, что везде здесь идет речь о «*рациональности* капиталистического предприятия», различающейся в каждом отдельном случае лишь ее «степенью» [1, с. 49].

Характерно, что, расшифровывая свое замечание о «всех этих» типах капиталистического «приобретательства», Вебер упоминает среди них не только древние, но и современные, что наводит на мысль об их сосуществовании, коль скоро те и другие встречаются в «пространстве», или, как сказал бы М.М. Бахтин, «хронотопе» современности. «В этом смысле, — пишет автор "Предварительных замечаний", — "капитализм" и "капиталистические" предприятия с достаточно рациональным учетом движения капитала существовали во *всех* культурных странах земного шара — насколько мы можем судить по сохранившимся источникам их хозяйственной жизни: в Китае, Индии, Вавилоне, Египте, в средиземноморских государствах древности, средних веков и нового времени" [1, с. 49]. Если мы сравним этот (можно сказать, итоговый) перечень стран, где «имел или имеет место» капитализм, с аналогичным перечнем в «Протестантской этике» и примечаниях к ней, то сможем убедиться, что налицо явная тенденция к его расширению. А, стало быть, и к универсализации самого понятия «капитализм» применительно не только к *настоящему* (тенденция, которую Маркс разделял с классиками английской политической экономии, правда, отказывая ему в «будущем»), но и к *далекому прошлому*.

Везде, где мы можем говорить о «культурном» состоянии общества, «во всех культурных странах земного шара», которыми, согласно социально-экономической дефиниции культуры, являются страны, обладающими развитым *обменом*, открывающим широкие возможности его использования, Вебер констатирует факт существования тех или иных форм капитализма. А это значит, что автор «Протестантской этики» (и продолжающих ее «линию» трудов по социологии мировых религий) существенным образом углубляет отмеченную выше взаимосвязь социологии и теории капитализма. Если до него социологи, вырабатывавшие свои понятия и категории на путях «социологической развертки» политэкономических понятий (а марксистская социология развивалась по преимуществу на этом пути), волей-неволей оказывались ограниченными историческими и культурными «параметрами» современного, то есть западного капитализма, то теперь этот замкнутый теоретический горизонт оказался «разомкнутым» точно так же, как было «разомкнуто» и само понятие *капитализма*. Капитализм предстал как *универсально-историческое* явление, и точно такой же оказалась социология этого капитализма.

Однако то была перспектива развития социальной науки, отличная не только от марксовской, «зацикленной» на «критике политической экономии» *капитализма*, дальше которой *научная* социологическая мысль, оказавшаяся в негативной зависимости от отрицаемого предмета (все того же «современного капитализма») уже не шла. Веберовская перспектива, связанная с универсально-историческим толкованием капитализма, отличалась и от той, что предлагала социология Конта, с чьей точки зрения политическая экономия [капитализма] вообще имела сомнительный научный статус, а потому должна была бы пойти по пути самоотречения, «растворившись» в социологии. Универсализация понятия капитализма позволяла Веберу сохранить для социологии весь аппарат («идеально-типически» истолкованных) научных понятий и категорий, которые наработала политическая экономия — как классическая, так и современная ему. В руках автора «Протестантской этики» и других трудов по социологии мировых религий понятие «капитализм» оказалось гораздо более содержательным и эвристичным, чем понятие «промышленное общество», лишенное Контом экономического смысла и представшее лишь в абстрактной противоположности понятию «военное общество».

«Универсализация» понятия капитализма вовсе не означала для Вебера утрату им конкретного содержания — как собственно экономического, так и, соответственно, социологического. В далеком («архаическом») прошлом капитализм выступает каждый раз не только в качестве «предприятия», а таковым могла стать и «команда» пиратского судна, поставившая «свою продукцию» на рынок, но и в качестве совокупности таких предприятий, так или иначе связанных друг с другом. «Очевидно, — пишет Вебер, — что капиталистические предприятия и капиталистические предприниматели, занятые не только временно, но и постоянно на данном предприятии, существуют издавна и имели повсеместно весьма широкое распространение» [1, с. 50]. Пример — с одной стороны торговый, а с другой — ссудный капитал (причем эти два «подтипа» архаического, и уж, во всяком случае, «несовременного» типа капитализма, как правило, выступали в тесном переплетении).

«Во всем мире, — читаем мы в "Предварительных замечаниях", — существовали торговцы, крупные и розничные, занятые местной торговлей и торговлей иноземной, производились ссудные операции всех видов, были банки с самыми различными функциями, по существу напоминающими западные банки XVI в., морская ссуда, коммента и подобные им сделки и ассоциации были широко распространены в виде постоянно действующих предприятий. Повсюду, где государственные учреждения нуждались в *денежных* средствах, появлялся заимодавец — так было в Вавилоне, Элладе, Индии, Китае и Риме. Он финансировал войны и морской разбой, всевозможные поставки и строительство при освоении заморских стран, выступал в качестве колонизатора, плантатора, использующего труд рабов или рабочих (подвергавшихся

прямой или скрытой эксплуатации), получал на откуп домены, должности и в первую очередь налоги, финансировал вождей партий, чтобы они могли быть избраны, и кондотьеров — чтобы они могли вести гражданские войны. И, наконец, заимодавец выступал в качестве "спекулянта" во всевозможных денежных операциях» [1, с. 50].

Такова эта многоликая фигура типичного капиталиста архаического стиля. Таковы, многообразные сферы приложения его «торгового», «ссудного» и «спекулятивного» капитала, обнаруживаемые Вебером в глубокой древности. И в самых различных странах, объединенных одной общей чертой: культурой (культурностью в социологическом смысле), предполагающей развитый товарообмен. «Представители такого рода предпринимательства — капиталистические *авантюристы* (отсюда и наиболее часто употреблявшееся Вебером определение соответствующей формы капитализма: «*авантюристический капитализм*». — Ю.Д.) — существовали во всем мире. Их шансы на успех (вне торговых, кредитных и банковских операций) либо носили обычно чисто иррационально-спекулятивный характер, либо были ориентированы на насилие, прежде всего на добычу; эта добыча могла извлекаться непосредственно в ходе военных действий или посредством длительной фискальной эксплуатации государственных подданных» [1, с. 50]. Но во всех случаях «продукция», пускаемая в оборот представителями данного типа «капиталистической деятельности», создавалась вне этой сферы деятельности, в которую она вовлекалась как «добыча», полученная путем прямого насилия либо разного рода «обменно-спекулятивных» операций. В *этом* смысле особенностью архаического капитализма была его *непродуктивность*: саму «продукцию» должен был создавать или «добывать» кто-то другой, принадлежавший к институтам или организациям *некапиталистического* типа.

Мы уже коснулись, хотя и вскользь, того, что все эти типы капитализма, капиталистов, «капиталистической деятельности» вообще, обнаруживаемые Вебером еще в седой древности и в самых различных (всех культурных) странах мира, по его мнению, сохранились и в Новое время, в той или иной форме продолжая существовать и после возникновения в Европе «современного капитализма» — одновременно и рядом с ним. Теперь пришло время рассмотреть этот веберовский тезис особо. Читаем «Предварительные замечания»: «Капитализм грюндеров, крупных спекулянтов, колонистов и финансистов часто сохраняет ряд подобных черт в современной действительности Запада даже в мирное время; особенно же близок к нему капитализм, ориентированный на *войну*. Отдельные — лишь отдельные — черты крупной международной торговли в наши дни, как, впрочем, и в прошлом веке, также родственны авантюристическому капитализму» [1, с. 51]. Характерна осторожность, с какой Вебер формулирует утверждение о присутствии «в наши дни, как, впрочем, и в прошлом (то есть XIX. — Ю.Д.) веке» тех или иных подтипов, либо просто аналогичных черт «авантюристического капитализма», дожившего до «современного капитализма» и встретившегося с ним в пределах одного и того же «хронотопа».

Однако в целом эта веберовская аккуратность в обосновании тезиса о сопричастности в рамках того, что марксистски ориентированные социологи привыкли считать «одним-единственным» капитализмом, *по крайней мере* двух его типов, различных (если не противоположных) и по своему историческому происхождению, и по своей социокультурной сущности, вовсе не отменяет сам этот тезис. Тем более, что, рассматривая различные аспекты такого их сосуществования на примере взаимоотношений «персонификаций» этих *типов капитализма* — социокультурных *типов капиталиста-предпринимателя*, автор «Протестантской этики» вновь и вновь подтверждает и сам этот тезис.

При этом мы не должны забывать еще одно весьма существенное обстоятельство. В «Протестантской этике», так же, как и в «Предварительных замечаниях», открывающих первый том «Собрания трудов по социологии религии», где она была помещена (вместе со всеми позднейшими уточнениями и уточняющими примечаниями), основной,

точнее, *исходной* проблемой для Вебера остается проблема специфики «современного капитализма», которую можно было выявить, лишь сопоставив последний с типологически иными его формами. Идея специфики новоевропейского капитализма и особенностей его генезиса лишь постепенно, шаг за шагом перерастала в более широкий замысел — проблему социокультурного анализа капитализма как универсально-исторического феномена, а не только феномена европейской культуры Нового времени. А это значит, что и рассмотрение «несовременного» типа капитализма и различных форм («подтипов») соответствующей «капиталистической деятельности» мало-помалу перестает играть подчиненную роль, приобретая самостоятельное значение в рамках (все более разрастающихся) веберовских «экскурсов» в историю мировых религий.

И если в «Предварительных замечаниях», еще имевших характер (несколько запоздалого) введения в «Протестантскую этику», Вебер писал: «для нас в чисто экономическом аспекте главной проблемой всемирной истории культуры является не капиталистическая деятельность как таковая, в разных странах и различные периоды меняющая только форму», подчеркивая, что его «интересует возникновение буржуазного промышленного капитализма» [1, с. 53], то это было полностью справедливо лишь для первой половины первого тома «Собрания трудов по социологии религии». Уже для второй половины этого тома, в которой была помещена первая часть «Хозяйственной этики мировых религий», посвященная конфуцианству и даосизму, это утверждение было по меньшей мере «нерелевантным». Здесь предметом специального интереса становились уже не особенности капитализма современного типа, а (разумеется, там, где о них заходила речь) наоборот, особые черты архаического типа «капиталистической деятельности». И таким образом в поле зрения исследователя так или иначе оказывалась именно «капиталистическая деятельность как таковая», то есть взятая не столько «в чисто экономическом аспекте», сколько в аспекте социокультурном и собственно социологическом.

Кстати, уже типологизация «капитализма вообще», как универсально-исторического феномена, по типам «капиталистической деятельности» (вспомним веберовский рефрен: «капитализм по своему типу может выступать как авантюристический, торговый, ориентированный на войну, политику, управление и связанные с ними возможности наживы» [1, с. 53]) свидетельствует, скорее, о социологическом, чем политэкономическом подходе к его анализу. Ведь речь шла в первую очередь о типах социальной деятельности или, пользуясь веберовской терминологией, *социального действия*. Однако действий, взятого уже не в абстрактно-социологическом, а в конкретно-социологическом разрезе, предполагающем *предметное* определение типов деятельности капиталистического рода. Причем характерно, что и на этом — эмпирически-конкретном — уровне продолжают «работать» и самые общие определения типологии социального действия. Например, различие между *традиционным* и *современным* типами «капиталистической деятельности».

Полемизируя с Зомбартом, склонным (опять же в духе Маркса) оставлять характеристику «традиционалистические» лишь для «до-» или «некапиталистических» форм хозяйствования, которые выпадали у него «из круга "преобратательских" (капиталистических в собственном смысле. — Ю.Д.) хозяйств» и попадали «в разряд "хозяйств потребительских"», Вебер писал в «Протестантской этике»: «"Традиционалистическими" по своему характеру могут быть и такие хозяйства, из которых частные предприниматели извлекают прибыль посредством оборота капитала (в виде денег или оцененной в деньгах собственности), то есть посредством приобретения средств производства и продажи продуктов, следовательно, хозяйства, бесспорно представляющие собой "капиталистические предприятия". Подобные хозяйства не только не являются исключением для экономической истории Нового времени, они постоянно вновь возникают после неизменно возобновляющихся перерывов, обусловленных все

более мощным вторжением в хозяйственную сферу "капиталистического духа" [1, с. 85].

Но это значит, что типичное для марксистского (или «марксоидного») хода мысли противопоставление «традиционного — современного» не работает в качестве такой привычной для него дихотомии — «докапиталистическое — капиталистическое». Оказывается, и применительно к современному продуктивно ориентированному капитализму можно говорить о «традиционалистическом» и «нетрадиционалистическом» способах капиталистической деятельности. Тем более подходящими оказываются эти понятия применительно к различию архаического и современного типов капитализма. Различие здесь, как видим, проходит по иной линии, чем дихотомия «некапиталистического — капиталистического» способов социального действия.

Теперь позволим себе некоторые предварительные выводы, которые облегчили бы нам переход ко второй части статьи, не утратив основную логическую нить первой.

Как видим, социологии капитализма действительно принадлежит принципиально важное место в универсально-исторической (как ее все чаще определяют вслед за Йоханнесом Винкельманом) социологии Вебера. Она была и исходным пунктом его движения по пути разработки именно такой версии социологии, и ее «архетипом», прообразом: чем-то вроде теоретической «модели» социологии, в которую вносились все новые и новые уточнения по мере социологической конкретизации самого понятия капитализма.

Особенность социологического подхода к капитализму — в отличие от собственно экономического (хотя этот последний неизменно «соприсутствовал» в рамках веберовской социологии капитализма) — в том, что он рассматривался как социокультурный феномен, постижимый лишь на путях анализа — смысловым образом мотивированного — социального действия, то есть смыслополагающей — и смыслопредполагающей — деятельности индивидов.

Отправляясь от социокультурного понимания капитализма, Вебер решительно порывает с традицией (своей догматизацией во многом обязанной «Капиталу» Маркса), в русле которой молчаливо предполагалось существование одного-единственного капитализма, хотя и проходящего различные стадии своего эволюционного развития. Имелся в виду капитализм, возникший «на заре» Нового времени — в XVI—XVII веках. (Если при этом некоторые исследователи, как, например, В. Зомбарт и раздвигали хронологические рамки капитализма, то, в основном, за счет позднего европейского средневековья.) Согласно Веберу, существует не один-единственный капитализм, а целый ряд его социально-экономических «форм» или «типов», из которых лишь один — современный, западный — обычно имеется в виду. Между тем наряду с ним, имеющим трехсотлетнюю историю, существуют, как и существовали до него, иные типологические формы капитализма, иные «типы капиталистической деятельности», чей возраст по крайней мере три тысячи лет.

Главное же — и именно социокультурное — отличие современного капитализма от всех иных его форм (которые можно назвать «архаическими» ввиду их давнего существования) заключается, согласно Веберу, в том, что он характеризуется «своеобразным этосом», который отсутствует у них. Речь идет о том совершенно специфическом «этосе», благодаря которому европейский капитализм Нового времени сформировался именно как «буржуазный» — методически продуктивный (промышленный) и рациональный (в собственно европейском смысле). И этот капитализм, в генезисе и формообразовании которого такую большую роль сыграл «этический» элемент, возник, по словам Вебера, не от «притока новых денег» (точка зрения Маркса и Зомбарта), а от внедрения «нового духа».

Но тем самым Вебер отказывался принимать догму автора «Капитала», согласно которой существует, якобы, необходимая эволюционно-генетическая связь между «первоначальным накоплением» капиталов (осуществляемым внеэкономическими

средствами, какими, кстати, и пользуется, согласно Веберу, «авантюрный капитализм»), с одной стороны, и последующим возникновением и развитием капиталистической промышленности, куда, согласно Марксу, и должен с неизбежностью «переливаться» накопленный капитал, — с другой. На месте этой генетической «связи развития», сконструированной на гегелевский — «диалектический» — манер, у Вебера оказывается глубоко конфликтное — антиномическое — отношение различных социокультурных типов капитализма (и персонифицирующих их капиталистов), имеющих разное происхождение и противоположно ориентированный (если он вообще имеет место) «этос».

Впрочем, для того чтобы более конкретно представить себе характер этих отношений (что вовсе бесполезно именно для нас и как раз сегодня), мы должны сперва тщательнее рассмотреть веберовскую картину современного капитализма в плане его социально-экономического и культурно-исторического своеобразия. Об этом и пойдет речь в следующей части статьи о веберовской — универсально-исторической — социологии капитализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вебер М.* Избранные произведения. М: Прогресс, 1990.